

Социальная психология как социальное конструирование: становящийся взгляд

Кеннет Дж. Джерджен

Gergen, K. J. (1997). Social psychology as social construction: The emerging vision. In C. McCarty & A. Haslam (Eds.), *The message of social psychology: Perspectives on mind in society* (pp. 113-128). Oxford: Blackwell.

Перевод Андрея Корбута

Вот уже более трех десятилетий я занимаюсь социально-психологическими исследованиями, и все это время они воодушевляли меня. Однако природа этого воодушевления, т. е. смысл исследований и их значимость, существенно изменилась за прошедший период. Послание дисциплины, которое поначалу стимулировало меня, сегодня кажется глубоко ошибочным и в некотором отношении даже губительным для общества. Поскольку те предположения, которые лежат в основе этого послания, имели (и до сих пор имеют) широкое распространение в психологии, мои последующие работы подверглись жесткой критике. Некоторым они показались антинаучными, антипсихологическими и даже нигилистическими. Но хотя я больше и не нахожу традиционные взгляды на науку и психологию обязательными, я далек от пессимизма в отношении будущего нашей дисциплины. В свете критической рефлексии и продолжающихся в различных секторах поля психологии и в социальных науках диалогов перспективы социальной психологии кажутся мне более вдохновляющими, чем когда-либо прежде. Поэтому в настоящем тексте удобнее всего будет действовать автобиографически. Я укажу на ряд традиционных психологических предположений и на причины, по которым я от них отказался. Но что важнее, я рассмотрю современный взгляд, выросший на почве этой неудовлетворенности, и опишу некоторые обещаемые им направления исследования, которые можно поместить под более общую рубрику социального конструкционизма.

Прогресс без конца: экспериментальная парадигма

Во время учебы в университете я был удивлен двумя, на мой взгляд, очевидными фактами: во-первых, тем, что наибольший вклад в улучшение условий человеческого существования в XIX в. был сделан естественными науками, и, во-вторых, тем, что мы до сих пор еще не определили истоки человеческого поведения. Психология, похоже, не только осознавала оба этих факта, но и обещала, что благодаря научным знаниям о человеческом поведении общество сумеет решить многие насущные проблемы — проблемы агрессии, эксплуатации, предрассудков, классовых конфликтов, безнравственности, ненормальности, — и в том числе избавиться от страданий, сопровождающих обычную повседневную жизнь.

Эти заманчивые возможности составили мой личный *raison d'être*. Будучи подготовленным ученым, я мог бы создать экспериментальную ситуацию, позволяющую проследить точные каузальные связи: влияние различных, как их называют, *стимульных условий* на психологические процессы отдельных испытуемых, а также влияние этих психологических процессов на поведение испытуемых в отношении друг друга. Полученные наблюдения каузальных последовательностей можно было бы оценить статистически, чтобы обеспечить их более широкую генерализацию. Затем я мог бы сделать эти данные доступными для своих коллег и при обнаружении слабостей и ограничений — предпринять дальнейшее исследование. Со временем психология, при моем участии, разработала бы чрезвычайно сложные и хорошо выверенные теоретические

описания (принципы и объяснения), обладающие большой степенью общности. Эти описания не были бы отягощены никакой идеологией, политической позицией или этическими убеждениями, благодаря чему их можно было бы сделать доступными для всех людей, что позволило бы политикам, руководителям организаций и общественным лидерам — и, конечно же, любым частным лицам — с пользой применять их для улучшения положения людей.

Это не были исключительно мои собственные верования; они выступают базовыми допущениями так называемой *эмпирической* или *экспериментальной* социальной психологии. Чтобы показать, как они работают, рассмотрим одно из моих первых исследований по теме, которая притягивает мой интерес до сих пор, а именно теме Я. Вслед за многими своими коллегами-психологами я верил, что правильное понимание индивидуальной деятельности обязательно предполагает описание различных психологических процессов, таких, как восприятие, мотивация, эмоции, память и т. д. Однако особенно мое внимание привлекало возможное влияние на поведение человека его представления о себе и других. Любое принимаемое нами в каждый момент времени решение зависит от того, что мы думаем о себе (от нашего понятия Я, самоуважения и т. д.) и о других (их личности, ожиданиях и т. д.). Кроме того, в отличие от многих теоретиков психологии личности я был впечатлен тем, что казалось мне глубинной неустойчивостью Я-концепции. У нас нет единого стабильного представления о себе, казалось мне, мы способны к бесконечным флуктуациям. Причем, как следует из идей Джорджа Герберта Мида (Mead, 1934), эти флуктуации непосредственно связаны с тем, как другие ведут себя по отношению к нам. Я предполагал, что самоуважение индивида может определяться проявляемым к нему со стороны других в тот или иной момент времени уважением.

Эти рассуждения легли в основу экспериментального исследования, в котором я попытался проследить систематические эффекты влияния оценок одного человека на самоуважение другого. В контексте очень сложно устроенной процедуры, включающей множество переменных и единиц измерения, испытуемые (студенты колледжа второго года обучения) проходили интервью у аспиранта (стимульной личности). В ходе интервью испытуемых просили дать себе ряд оценок. В экспериментальной группе интервьюер соглашался с испытуемым всякий раз, когда тот позитивно оценивал себя, и молчал либо не соглашался, когда он оценивал себя негативно. Как я обнаружил, в этом случае самооценка испытуемых по ходу интервью устойчиво возрастала, чего не наблюдалось в контрольной группе, где такой обратной связи не предоставлялось. Последующий тест на самоуважение, организованный в частном порядке, выявил статистически более высокие показатели у экспериментальных испытуемых по сравнению с испытуемыми из контрольной группы. Позитивная обратная связь продолжала действовать и после интервью. Эти и другие результаты были впоследствии опубликованы (Gergen, 1965) для того, чтобы коллеги могли с ними ознакомиться, и я даже испытал определенное удовлетворение от ощущения того, что внес свой вклад в растущую область исследований, которые в итоге помогут нам понять природу Я-концепции и результатами которых могли бы воспользоваться терапевты, педагоги, родители и все те из нас, кто заботится о благополучии друг друга.

Если резюмировать, послание социальной психологии, которое нес в себе господствующий *Zeitgeist*, состояло в том, что эмпирическое исследование способно предоставить беспристрастное и систематическое описание и объяснение социального поведения, что по ходу исследования точность и общность этих теоретических описаний постоянно совершенствуется и что для общества нет ничего практичнее выверенной, эмпирически обоснованной теории. В сущности, ученые способны преподнести обществу в дар бесценные сокровища в виде принципов человеческого взаимодействия, благодаря которым общество может стать лучше. Что касается нашего понимания Я, то здесь прогресс в познании бесконечен.

Первый тупик: социальная психология как историческая наука

Мне было непросто писать предыдущие страницы, словно пытаюсь вновь разжечь огонь наивного юношеского идеализма. Нет, я вовсе не хочу отказываться от всех предпосылок и, уж конечно, от оптимистического взгляда на потенциал нашей дисциплины. Однако, чтобы найти дорогу к своеобразному спасению, важно было открыто взглянуть в лицо собственной глупости. Для меня первым шагом критической саморефлексии было растущее осознание исторической преходящести социально-психологического знания. Отмеченный выше энтузиазм в значительной степени опирается на веру в возможность накопления знания: любой эксперимент способен добавить что-то к предыдущему, а прирост данных позволяет более точно фиксировать реалии социальной жизни. Но что, если социальная жизнь по сути не стабильна; что, если социальные паттерны находятся в состоянии постоянной и, возможно, хаотичной трансформации? Если это верно, то наука не аккумулирует знание; ее знание отражает лишь малую и, возможно, не слишком важную историю поведения студентов колледжей в искусственных лабораторных условиях.

Подобные сомнения начали возникать у меня еще при разработке описанного выше исследования самооценки. На дополнительном этапе исследования я показал: чтобы обратная связь со стороны других оказала воздействие на уровень самоуважения, она должна казаться подлинной. Если человек думает, что обратная связь неискренна, не рассчитана на точное выражение чувства, то она будет иметь незначительный эффект. Я проверил это подозрение, поместив группу испытуемых в те же условия, которые были описаны выше, за исключением того, что им говорилось, что интервьюер будет практиковать указанные техники интервью. Результаты подтвердили мою гипотезу. Однако, когда я размышлял об исследовании, мне также приходила в голову мысль, что ни в той, ни в другой ситуации обратная связь не была действительно искренней; она всегда была экспериментально задана. Это означало, что главным было не то, как действительно вел себя интервьюер при взаимообмене, а интерпретация, которой подвергалось его поведение. Но если интерпретации появляются и исчезают по ходу культурной истории и при этом существует фактически неограниченное количество способов истолкования событий, то как мы должны поступить с этими результатами? Одно время повсеместно верили в существование души и одержимость дьяволом; нынче подобные интерпретации утратили свою популярность. В XVI в. состояние меланхолии было рядовым явлением; в начале XX в. многие мучались «расстройствами нервов». Эти интерпретации сегодня мало чем обоснованы. Получается, что полученные мной результаты были отражением сложившихся культурных обстоятельств.

Размышления о том, как из поля зрения пропали «расстройства нервов», и о том, как появились и исчезли некоторые недавние понятия, вроде «кризиса идентичности» и «аномии», добавили дополнительные аргументы к накопившимся сомнениям. Психология — творческая дисциплина. Она непрерывно разрабатывает новые термины, новые объяснения и новые идеи по поводу истоков человеческого поведения. Не являются ли эти попытки шагами в интерпретации? И если да, то не попадают ли они в интерпретативную смесь, существующую внутри общества? Не задают ли они новые направления наших интерпретаций и тем самым наших действий в отношении друг друга? Фактически социально-психологические теории, выходя в общество, способны менять социальный паттерн. Психология способствует ускорению тех процессов социального структурирования, которые лишают оснований ее веру в кумулятивное знание.

Сюжет запутывается. Обратимся вновь к проведенному мной небольшому исследованию Я-концепции. Мои теоретические рассуждения выглядят достаточно обоснованными; можно даже сказать, что они отражают всеобщий здравый смысл. Но давайте посмотрим, в чем мои предположения о Я отличны от здравого смысла. Западной культуре по большей части свойственно представление о том, что все люди наделены способностью автономного выбора. Мы, по сути, полностью свободны выбирать тот или иной способ действия. Именно приверженность

ценности индивидуального выбора лежит у истоков нашей веры в демократию, закон и ту разновидность повседневной морали, в силу которой мы считаем друг друга ответственными за свои поступки. Однако Я, образ которого рисует мой эксперимент, не обладает самостоятельной произвольностью. То, как переживается собственное Я, определяется здесь обратной социальной связью; я просто хранилище установок других людей в отношении меня. В этом смысле я перечеркиваю или отрицаю обыденную культурную мудрость, незримо подрывая основания культурных институтов демократии, ответственности перед законом и т. д. Если бы я развил свое теоретическое предположение дальше, то разрушил бы даже допущение о возможности подлинной или искренней обратной связи, поскольку любая обратная связь, получаемая от других, равно вероятно может быть продуктом социального программирования.

Из этих рассуждений следует, что психология как дисциплина не только «взбалтывает котел» социальных значений, но и ценностно насыщена. То есть, несмотря на стремление к ценностной нейтральности, психологические интерпретации подспудно побуждают к одним типам действия и дискредитируют другие. Например, в ряде известных психологических исследований дискредитируются конформность, подчинение и уступчивость к давлению, нацеленному на смену установки. Тем самым психология скрыто отдает предпочтение независимости, автономии и самодостаточности; кооперация, сотрудничество и эмпатичное слияние с другим вытесняются. Поле дисциплины не только изменяет (или поддерживает) интерпретации, но и невольно отстаивает моральные и политические ценности. Надежда на ценностно нейтральную науку — глубокое заблуждение.

Большая часть этих аргументов была опубликована в моей ранней статье «Социальная психология как историческая наука» (Джерджен, 1995). Эффект был потрясающим. Мнения разделились: одними мои аргументы были отвергнуты как непродуктивное философствование, другими — как смешные; лишь у немногих возникло ощущение того, что «наконец-то подтвердились долго скрываемые сомнения». Эта статья, в ряду других критических работ (Мак-Гайр, 1984; Harr_ & Secord, 1972; Ring, 1967), вызвала то, что получило название «кризиса в социальной психологии» (см., например, Strickland, 1976). Однако спустя несколько лет кризис пошел на убыль; эксперименталисты вернулись к своим обычным занятиям; саморефлексия по большей части исчезла со страниц крупных журналов. И все же для небольшого числа гонимых, но бесстрашных душ начало вырисовываться, пока туманно, видение реконструированной социальной психологии.

Появление идеи социального конструирования

Я обратился к этой идее во многом чтобы защитить свою первоначальную критику. Существенным оказалось не только то, что, в поисках защиты, я расширил свое знакомство с содержательно близкими работами по философии, социологии, истории и другим дисциплинам. На возможность позитивной альтернативы традиционным психологическим взглядам в частности также указывал казавшийся мне наиболее сильным аргумент против моего тезиса о социальной психологии как исторической науки. Перефразировав, этот интересный довод можно представить в следующем виде: мой тезис слишком завязан на публичной активности. То есть выходило, что социальные паттерны пребывают в постоянном движении; стили, идеологии, общественное мнение и обычаи претерпевают исторические преобразования; психологи же (в той мере, в какой их читают или понимают) могли бы влиять на эти тенденции. Однако социальная психология не интересуется эфемерным внешним миром. Ее задача — выявлять психологические основы этих паттернов, т. е. то, каким образом в человеческих организмах протекают базовые процессы познания, мотивации, предубеждения и т. п. Эти процессы не нестабильны, они присущи человеческой природе. Непостоянно только их выражение.

Это возражение выглядело несколько надуманным, поскольку социальная психология открыто стремилась к предсказанию и пониманию социального поведения, т. е. паттернов, которые по природе своей нестабильны. Однако у меня было мало средств, позволяющих уверенно утверждать, являются или нет лежащие в их основе процессы стабильными и универсальными. Откуда же взялась эта неуверенность; как критик может обосновать уверенность в существовании таких устойчивых феноменов? На основании чего мы можем судить о том, эфемерны или универсальны внутренние процессы? Эти вопросы продолжали преследовать меня до тех пор, пока не было найдено окончательное контрдоказательство. Именно оно стало решающим моментом поворота к новой, конструкционистской социальной психологии. Важную роль для меня сыграло чтение классической работы Гадамера «Истина и метод» (Гадамер, 1988). Гадамер попытался ответить на вопрос, беспокоивший герменевтов в течение нескольких столетий: как мы понимаем значение текста, то, что пытается сказать автор? Этот вопрос никогда не получал удовлетворительного ответа в рамках герменевтической традиции, что чрезвычайно заинтересовало меня, поскольку проблема того, как читатели понимают значение текста, по своей сути эквивалентна проблеме того, как психологи постигают психологические процессы, кроющиеся за внешними действиями. На мой взгляд, ключевым понятием в гадамеровской работе является понятие *горизонта понимания*. Гадамер показал, что читатель обращается к тексту исходя из имеющейся у него предструктуры понимания, то есть, по сути дела, ряда интерпретативных склонностей, обычно задающих способ понимания текста. Хотя Гадамер искал средства, с помощью которых читатель мог бы преодолеть горизонт понимания, это впечатлило меня гораздо меньше, чем широкий резонанс этого понятия с идеями других интеллектуальных течений. В своей работе «Структура научных революций» Томас Кун (Кун, 1975) продемонстрировал, что интерпретация научных данных по большей части направляется парадигмой понимания (или теоретической предструктурой), центральной для профессионального поля в настоящий момент времени. По его мнению, ученый осуществляет исследования и интерпретирует их результаты в рамках теоретической (и метатеоретической) структуры (или сети априорных допущений), разделяемой определенным сообществом. К сходным выводам, хотя и в иной области, пришел литературный теоретик Стэнли Фиш (Fish, 1980). Он убедительно показал, что читатели, пытаясь понять текст, делают это в качестве членов интерпретативного сообщества. Их интерпретации будут неизбежно строиться на принятых в сообществе способах понимания.

Когда все эти аргументы были собраны воедино, стало понятно, что чтение «глубинного психологического мира» происходит на основе реализации ряда предположений. Поступки людей не указывают явно на характер их субъективных миров или психических процессов; психологи, применяя определенную теорию, локализируют «внутренние события» в ее терминах. У этих теорий в действительности нет эмпирической базы; любые факты, касающиеся сознания, привлекаемые в их поддержку, обязывают использовать именно эти теории. Фактически тот психологический мир, который столь дорог сердцу многих социальных психологов, является социальной конструкцией, а данные, используемые для оправдания суждений об этом мире, валидны только в границах теоретических (и метатеоретических) парадигм поля социальной психологии. Данные исследований не имеют никакого смысла, пока они не проинтерпретированы, но их интерпретации не вытекают из самих данных. Они появляются в результате процесса обсуждения значений внутри сообщества.

Конечно, можно было бы увидеть в подобных заключениях смертельный приговор социальной психологии (да и самой науке как институту, высказывающему истину). Однако столь печальный вывод вряд ли оправдан. В конце концов социально-конструкционистская критика сама базируется на ряде предпосылок, допущений и соглашений, ключевым понятием которых является *социального процесса*. Можем ли мы представить такую социальную психологию, которая рассматривает себя в качестве социального по сути процесса, а свой вклад в культуру — в категориях социального конструирования? Начало такого подхода

было положено в 1982 г. моей книгой «К трансформации в социальном знании» (Gergen, 1982). Раскрытие его потенциала продолжается до сих пор.

Социальная психология в конструкционистском ключе

Как мне сегодня кажется, социальная психология, сформированная конструкционистским взглядом на знание, расширяет и обогащает поле дисциплины в жизненно важных направлениях. Те позитивные вклады, которые были сделаны в прошлом, сохраняются, бесплодные же, по большому счету, поиски, предпринимаемые традицией, прекращаются. Но что важнее, открывается путь к целому ряду новых значимых разработок. Я говорю здесь не о некоем «пироге на небесах», мечте на бумаге. Наоборот, как я попытался показать в своей книге «Реальности и отношения» (Gergen, 1994), переход к реконструированной психологии отмечается во всех дисциплинах психологического круга [1] повсюду в мире [2] и соответствует сходным тенденциям в гуманитарных науках и науках о человеке [3]. Ниже я обрисую три, на мой взгляд, главных вызова, стоящих перед социальной психологией в ее конструкционистской форме, и опишу ключевые предложения для каждого из них.

Эмпирический вызов

Ничто в социально-конструкционистской психологии не исключает эмпирического исследования. Однако место этого исследования и его специфические возможности существенно переопределяются. В конструкционистской перспективе традиционные попытки проверки гипотез по поводу универсальных процессов сознания (познания, мотивации, восприятия, установок, предубеждений, Я-концепции) кажутся, по меньшей мере, заблуждением или, еще хуже, бесполезной тратой ресурсов (интеллектуальных, денежных, временных, материальных). Дело не только в том, что предмет изучения представляет собой социальную конструкцию, а значит, не существует предмета эмпирической оценки вне определенной традиции интерпретации, но и в том, что такое исследование подкрепляет необоснованную претензию чисто западной онтологии на статус универсальной.

Что касается более позитивной стороны, то с конструкционистской точки зрения традиционное эмпирическое исследование наиболее эффективно, если оно проводится для 1) иллюстрации интересных или необычных идей и 2) отслеживания паттернов поведения, значимых для общества. Хорошим примером претворения неординарных идей в жизнь являются классические работы Аша (Asch, 1952) по социальной конформности и Милграма (Milgram, 1974) по подчинению. Ни та, ни другая ничего не доказывают в отношении социальной жизни; они не демонстрируют ни конформности, ни подчинения (которые сами по себе — интерпретации, подвластные оспариванию и обсуждению). Однако в руках этих ученых данные начинают драматическим образом побуждать к провокационным мыслям о человеческом взаимодействии в повседневной жизни, тем самым вызывая дискуссию и диалог. Оба исследователя затрагивают фундаментальные вопросы, касающиеся силы социального влияния, а также потребности и проблематичности принадлежности к социальным группам и независимости от них. При этом существует множество иных ресурсов для постановки подобных вопросов, например, история, литература и исследования случаев. Однако, если допустить некоторую этическую и идеологическую обремененность, преимущество исследователя состоит в том, что он способен выстроить нужную иллюстрацию в конкретных терминах и показать ее потенциальную общность для всего населения.

Многие социальные психологи, разделяющие конструкционистские интересы, выражают недовольство политическими последствиями экспериментирования с людьми, предпочитая вместо этого изучать способы конструирования реальности в обществе. Подобные изыскания, фокусирующиеся на дискурсивных средствах определения истинного и правильного, преследуют эмансипирующие цели. Избегая

демонстрировать универсальные принципы, они применяют дискурсивный анализ для выдвигания на первый план наших специфических привычек конструирования мира и себя. Главная цель — показать, к каким проблемам ведут эти дискурсивные конвенции, и начать обсуждение альтернативных подходов. Так, например, некоторые исследователи использовали методы дискурсивного анализа для разоблачения традиционного гендерного деления (Kitzinger, 1987), понятия индивидуальной памяти (Middleton & Edwards, 1990), представлений о социальных беспорядках (Potter & Reicher, 1987), принятых истин об алкоголе (Taylor, 1990), атрибуций намерения (Edwards & Potter, 1992), идеи фактуальных или объективных сообщений (Woofitt, 1992). Другие выяснили, каким образом риторические или речевые конвенции непреднамеренно направляют наши предположения о реальном. В случае исследований идентичности, к примеру, мы с Мэри Джерджен (Gergen & Gergen, 1988) попытались показать, что нарративные конвенции — или традиционные способы рассказывания историй — образуют предструктуру, посредством которой мы делаем себя понятными для других. В отличие от традиционной экспериментальной работы, описанной мной ранее, Я рассматривается здесь как продукт диалогических процессов, находящихся в непрерывном движении.

Наконец, следует добавить, что еще одно преимущество традиционных эмпирических методов — использование статистического аппарата, т. е. предоставление информации о повторяющихся паттернах социального поведения. Иллюстрацией этого потенциала является способность организаторов опросов общественного мнения предсказывать результаты выборов, страховых компаний — прогнозировать количество автомобильных аварий, а специалистов по народонаселению — предвидеть процент рождаемости. Лабораторное социально-психологическое исследование, как правило, не справляется с этой задачей, поскольку исследовательский контекст обычно нестандартен, а полученные результаты обладают малой этологической валидностью. Однако попытки социальных психологов предсказывать показатели здоровья (например, уровень заболеваемости сердечной недостаточностью, раком, длительность жизни) были очень обещающими. Выходя за стены своей лаборатории, исследователи прослеживают корреляции между рядом социальных переменных (например, социальной поддержкой, травматическими случаями, личностными диспозициями) и рядом переменных здоровья. Результаты таких исследований часто оказывают серьезное влияние на будущую политику и практику здоровья. При этом мы понимаем, что изучаемые феномены социально конструируются, а такие ярлыки, как сердечная недостаточность и социальная поддержка, культурно и исторически обусловлены. Но поскольку эти конструкты широко разделяются в культуре и соответствуют доминирующей идеологии здоровья, психология вносит свой вклад в общество, адаптируя его категории и предоставляя информацию о поведенческих паттернах, сконструированных подобным образом.

Рефлексивный вызов

Как мы видим, социально-конструкционистская перспектива не отрицает эмпирическое исследование; просто его цели пересматриваются так, что его результаты оказываются более тесно связанными с социальными интересами, провоцируя культурные диалоги, ставя под вопрос традиционные способы понимания и предоставляя информацию, непосредственно касающуюся их реализации. В то же самое время социальный конструкционизм побуждает к дополнительным поискам. Одним из наиболее важных направлений становится *рефлексивное обсуждение*. То, что люди, вступая в отношения, стремятся к выработке коллективных соглашений по поводу того, что является реальным, рациональным и правильным, и артикулируют эти соглашения в языковых формах, достаточно очевидно. Как в первобытном обществе, так и в научной субкультуре мы создаем рабочие языки, чтобы осуществлять нашу совместную жизнь. Конструкционист, однако, видит серьезную опасность в окостенении («объективации») любого конкретного способа конструирования мира.

Единогласные соглашения препятствуют саморефлексивному оцениванию. Критически рефлексировать свою практику, используя для этого ту же рациональность, что легитимируют ее, — значит рационализировать *status quo*. И что хуже всего, те, кто не разделяет ее посылок, изображаются «другими», зачастую становясь отвергаемыми, пренебрегаемыми и очерняемыми.

С этой точки зрения представляется особенно важным запуск процессов рефлексивного обсуждения, процессов, которые демонстрируют исторически и культурно заданный характер само собой разумеющегося мира, указывают на его репрессивный потенциал и дают право другим голосам принимать участие в культурных диалогах. Это действительно достойные цели, и именно к их достижению побуждает конструкционистская ориентация в социальной психологии. Конструкционистская социальная психология, чувствительная к сконструированному характеру наших реальностей, процессам производства и распада реальностей и прагматическим эффектам языковых формаций, оптимально подходит на роль инициатора рефлексивного диалога как внутри психологической науки, так и в культуре в целом. Повторяю, это не пустые спекуляции. Рефлексивное обсуждение было и остается важной формой отношений в рамках конструкционизма. Психологи, разоблачавшие потенциал ущемления и притеснения, скрывающийся за само собой разумеющимися допущениями в психологии, выявили, например, ограниченность традиционных концепций индивидуальных психологических процессов (Sampson, 1975, 1978), развития ребенка (Bradley, 1993), психической болезни (Sarbin & Mancuso, 1980) и гнева (Tavris, 1989). Конструкционистские психологи, обратившиеся к культуре в целом, исследовали проблемы и перспективы романтических и модернистских концепций личности (Gergen, 1991), проблематичные допущения, лежащие в основе конструирования учеников в образовательной сфере (Walkerdine, 1988), а также незаметное поддержание националистической идеологии (Billig, 1995).

Творческий вызов

Традиционная социальная психология ориентировалась по преимуществу на выявление имеющихся паттернов поведения. Задача ученого в этом случае состояла в точном описании существующей реальности. Но поскольку существующая реальность считалась продуктом действия универсальных и трансгисторических процессов, профессиональная психология мало интересовалась участием в формировании общественного будущего. Кроме того, так как вклад в новые культурные формы потребовал бы ценностного самоопределения, а социальная психология стремится быть ценностно нейтральной, в профессиональные поиски, непосредственно связанные с социальными преобразованиями, вкладывались очень скудные ресурсы. Такая установка на социальную невовлеченность резко противоречит конструкционистской социальной психологии. Мы уже знаем о конструкционистском интересе к этическим и политическим вопросам, выражающемся в рефлексивных практиках. Любая критика предполагает критерий «блага», на достижение которого в сущности направлен эффективный критический анализ. Однако конструкционистский призыв к участию в социальных трансформациях носит более глубокий характер. Для конструкциониста профессиональные дискурсы являются составной частью культурной жизни. Определяя способы культурного понимания (устанавливая различия, предоставляя основания для деятельности и имплицитно оценивая формы поведения), они одновременно готовят наше будущее. Это будущее может оказаться простым повторением прошлого, воспроизведением само собой разумеющихся культурных предположений. Обычно подобные эффекты вызывает социальная психология, основанная на реалистическом (или объективирующем) понимании науки. С точки же зрения конструкциониста социально-психологическое исследование способно участвовать в сотворении новых форм культурной жизни. Разрабатывая новые теоретические языки, исследовательские практики, формы выражения и методы вмешательства, психология создает благоприятные условия для культурной трансформации.

Конструкционизм не налагает на ученого никаких ограничений или требований, диктуемых предпочтительным образом будущего. Но среди конструкционистов сформировалась, вероятно, неизбежная тенденция создавать теории и практики, поддерживающие коммунизм, а не индивидуализм, взаимозависимость, а не независимость, многостороннее, а не иерархическое принятие решений, и социальную интеграцию, а не традиционалистскую сегментацию. Подобного рода симпатии вытекают из конструкционистского представления о социально сконструированной природе знания. Чтобы показать на примере, как теоретическая работа используется для достижения этих целей, вернемся к теме идентичности. Как мы видели, в эксперименталистской традиции Я-концепция обычно рассматривается как нечто более-менее самостоятельное, как характеристика универсальных и биологически детерминированных процессов психического функционирования. Такой взгляд увековечивает устоявшиеся индивидуалистские практики в культуре, подчеркивающие независимое функционирование индивида. Социальные институты в этом описании становятся побочными продуктами индивидуального взаимодействия, а значит, дружба, брак, семья и сообщество — искусственные изобретения, возникающие, видимо, в силу нашей индивидуальной недостаточности. Достаточный человек — независимое существо.

Чтобы преодолеть индивидуалистскую традицию и подчеркнуть ценность отношений, а не изоляции, необходимо найти альтернативу традиционной концепции Я, т. е. нужна творческая теоретическая работа. Поэтому такие теоретики как Джон Шоттер (Shotter, 1993a, 1993b), Эдвард Сэмпсон (Sampson, 1993) и Германс и Кемпен (Hermans & Kempen, 1993) начали развивать глубоко социализированное представление о Я. Под влиянием ранних работ Выготского (Vygotsky, 1978) и Бахтина (Bakhtin, 1981) индивидуальное функционирование начинает рассматриваться как неотделимое от отношений. Значительная доля человеческой деятельности основывается на взаимообмене и направлена на дальнейший взаимообмен. Когда я пишу эти строки, в них отражаются, например, мои бесчисленные диалоги с коллегами и студентами, посредством которых я устанавливаю отношения с читателями. Это не «мои» слова, их авторство мнимое. Я, скорее, носитель определенных отношений, которые превращаю в новые отношения. Указанная работа дополняется серией творческих теоретических разработок, ориентированных на реконституирование традиционных психологических категорий. Например, для Поттера и Уэверел (Potter & Wetherell, 1987) установки не заключены в головах отдельных индивидов; иметь установку — значит занимать позицию в разговоре. Согласно Биллигу (Billig, 1987), нет никакого смысла изучать рациональные процессы, лежащие в основе языка и протекающие где-то в мозгу; скорее, говорить рационально — значит использовать принятые риторические формы.

Было бы показательно сравнить мою работу по Я-концепции, выполненную в старой парадигме (механистической, индивидуалистской, экспериментальной), и мои нынешние, ориентированные на отношения исследования эмоций (Gergen, 1994). Сначала надо деконструировать традиционные эмоциональные категории, такие как гнев, любовь, страх, радость и т. д., т. е. рассмотреть их как социальные конструкции, а не как указатели дифференцированных свойств разума или мозга. При помощи такой деконструкции мы избавляемся от необходимости бесконечного и обременительного поиска означаемого, т. е. ускользающей сущности гнева, любви и т. п. Кроме того, мы можем взять в скобки индивидуалистское толкование этих терминов. Эта критика так же позволяет нам рассмотреть язык эмоций не как набор категорий, отсылающих к невидимым свойствам сознания, а как набор перформативов. То есть, говоря «Я сержусь», «Я люблю тебя» и т. п., мы не пытаемся описать некоторую скрытую область сознания или состояние нейронов. Скорее, мы осуществляем отношение, причем сами эти фразы являются лишь одним их элементов гораздо более широких действий, включающих движения конечностей, интонации голоса, выражения глаз и т. д.

В то же время не следует рассматривать эти перформативные акты как исключительно индивидуальные. Адекватнее представлять их как составляющие более сложных паттернов отношений. Они не могут осуществляться случайным образом, поскольку требуют побуждающих действий других людей; но однажды исполненные, они допускают только ограниченный набор действий со стороны других. Рассмотрим эмоциональные сценарии как такие расширенные паттерны взаимодействия. Анализируя эмоциональный сценарий, например, гнева, мы обнаруживаем, что гнев понятен лишь как реакция на определенные действия (например, оскорбление, выражение враждебности). Но после того, как гнев был разыгран, другой не может поступать, как ему заблагорассудится; конвенция обязывает его, например, принести извинения, начать оправдываться или тоже разозлиться. Мы видим, что эмоциональные выражения являются составными частями расширенных форм взаимодействия, в чем-то сходных с культурными ритуалами; они становятся понятными и важными только в силу своего местоположения внутри этих ритуалов. Эмоциональные перформативные акты принадлежат отдельному индивиду не больше, чем слова, которые мы произносим.

Хотя подобные инновационные теоретические формулировки вносят заметный вклад в процесс социальной трансформации, мы можем обнаружить и другие профессиональные средства достижения этой цели. Например, конструкционистские психологи разработали альтернативные формы методологии, обосновывая это тем, что исследовательские методы тоже нагружены ценностями и идеологиями. Чувствуя, что экспериментальные технологии проводят границу между ученым и испытуемым, отдавая приоритет голосу ученого и толкая к манипуляции, они ищут возможности расширения набора исследовательских методов. Качественные методы (Denzin & Lincoln, 1994), наравне с процедурами дискурсивного анализа, представляют собой один из важных шагов к обогащению социальной психологии. Кроме того, мы получаем возможность экспериментировать с самими нашими формами научного выражения. Профессиональные социально-психологические работы наследуют исчерпавшие себя риторические традиции; они понятны только узкому сообществу ученых, но даже в этом сообществе они избыточно формальны, монологичны, оправдательны и сухи. Природа социального мира вряд ли требует такой архаической формы выражения. Конструкционизм призывает ученого расширять репертуар выражения, открывать способы говорения и письма для более широкой аудитории, возможно, при помощи множества голосов и более богатой риторики. В качестве иллюстрации можно указать на феминистские работы Мэри Джерджен (M. Gergen, 1988, 1992) и первый студенческий текст по конструкционистской социальной психологии, написанный Роджерсом и др. (Rogers, Stenner, Gleesson, & Rogers, 1995) [4].

В заключение скажу, что по моему глубокому убеждению потенциал конструкционистской социальной психологии безграничен: у нее нет ни дисциплинарных границ, ни фиксированных заранее параметров исследования. Такая психология тесно связана с культурной жизнью; она увлекательна; она привязывает интеллектуальную деятельность к ориентированным на изменения практикам; она приветствует провокационные постановки как внутри психологии, так и вне ее; она рисует яркие образы будущего; и при этом она сохраняет умеренность в своих допущениях и с уважением относится к допущениям других. Послание конструкционистской социальной психологии глубоко оптимистично.

Примечания

[1] См., например, работы Кессена (Kessen, 1990) по психологии развития, Германса и Кемпена (Hermans & Kempen, 1993) по изучению личности, Спенса (Spence, 1982) и Пенна и Франкфурта (Penn & Frankfurt, 1994) по индивидуальной и семейной терапии, Харе-Мастин и Маречека (Hare-Mustin & Marecek, 1988) и Мэри Джерджен (M. Gergen, 1988) по феминистской психологии и Данцигера (Danziger, 1990) по историческому анализу психологии.

[2] Среди прочих, мы можем указать на Ибаньеса (Ibañez, 1991) в Испании, Брэдли (Bradley, 1993) в Австралии, Уайта и Эпстона (White & Epston, 1990) в Новой Зеландии, Мишу (Misra,

1994) в Индии, Шнитмана и Фукса (Schnitman & Fuks, 1993) в Аргентине, Германса и Кемпена (Hermans & Kempen, 1993) в Нидерландах, Энгестрома (Engestrom & Middleton, 1990) в Финляндии, Миддлтона и Эдвардса (Middleton & Edwards, 1990) в Великобритании, Стема (Stam, 1990) в Канаде и Петрильо (Petrillo, 1995) в Италии.

[3] См., например, работы Коултера (Coulter, 1989) по социологии, Луц (Lutz, 1988) по антропологии, Уайта (White, 1978) по истории, Макнами (McNamee, 1989) по коммуникации, Фиске (Fiske, 1987) по культуре, Рорти (Rorty, 1991) по философии и Грегори (Gregory, 1994) по географии.

[4] Еще одна работа по социальному конструированию, написанная Вивьен Бурр (Burr, 1995), — тоже значимый новый текст университетского уровня, но письмо в этом случае более традиционно.

Литература

- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Пер. с нем. Б. Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988.
- Джерджен К. Дж. Социальная психология как история / Пер. с англ. Е. В. Якимовой // Социальная психология: саморефлексия маргинальности: Хрестоматия / РАН. ИНИОН. Лаб. социологии; Отв. ред. М. П. Гапочка; Ред.-сост. Е. В. Якимова. — М.: ИНИОН, 1995. — С. 23—50.
- Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетова. — М.: Прогресс, 1975.
- Мак-Гайр У. Дж. Ин и Янь прогресса в социальной психологии: семь принципов // Современная зарубежная социальная психология: Тексты / Под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. — М.: МГУ, 1984. — С. 32—49.
- Asch, S. (1952). *Social psychology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Bakhtin, M. (1981). *The dialogic imagination*. Austin: University of Texas Press.
- Billig, M. (1987). *Arguing and thinking*. London: Cambridge University Press.
- Billig, M. (1995). *Banal nationalism*. London: Sage.
- Bradley, B. (1993). A serpent's guide to children's "theories of mind". *Theory & Psychology*, 3, 497-521.
- Burr, V. (1995). *An introduction to social constructionism*. London: Routledge.
- Coulter, J. (1989). *Mind in action*. Oxford: Blackwell.
- Danziger, K. (1990). *Constructing the subject: Historical origins of psychological research*. Cambridge: Cambridge University Press
- Denzin, N. K., & Lincoln, Y. S. (Eds.). (1994). *Handbook of qualitative research*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Edwards, D., & Potter, J. (1992). *Discursive psychology*. London: Sage.
- Engestrom, Y., & Middleton, D. (1990). Communal cognition in the workplace. In D. Middleton & D. Edwards (Eds.), *Collective remembering*. London: Sage.
- Fish, S. (1980). *Is there a text in this class? The authority of interpretive communities*. Cambridge: Harvard University Press.
- Fiske, S. (1987). *Television culture*. London: Routledge.
- Gergen, K. J. (1965). Interactions goals and personalistic feedback as factors affecting the presentations of self. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1, 413-424.
- Gergen, K. J. (1982). *Toward transformation in social knowledge*. New York: Springer-Verlag.
- Gergen, K. J. (1991). *The saturated self*. New York: Basic Books.
- Gergen, K. J. (1994). *Realities and relationships: Soundings in social construction*. Cambridge: Harvard University Press.
- Gergen, K. J., & Gergen, M. M. (1988). Narrative and the self as relationship. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 21, pp. 17-56). New York: Academic Press.
- Gergen, M. M. (1988). Toward a feminist metatheory and methodology in the social sciences. In M. Gergen (Ed.), *Feminist thought and the structure of knowledge*. New York: New York University Press.
- Gergen, M. M. (1992). From mod masculinity to post-mod macho: A feminist re-play. In S. Kvale (Ed.), *Psychology and postmodernism*. London: Sage.
- Gregory, D. (1994). *Geographical imaginations*. Cambridge: Blackwell.
- Harr_, R., & Secord, P. (1972). *The explanation in social behavior*. Oxford: Blackwell.
- Hare-Mustin, R., & Marecek, J. (1988). The meaning of difference: Gender theory, postmodernism, and psychology. *American Psychologist*, 43, 455-464.
- Hermans, J., & Kempen, H. (1993). *The dialogical self*. New York: Academic Press.
- Iba_z, T. (1991). Social psychology and the rhetoric of truth. *Theory & Psychology*, 1, 187-201.
- Kessen, W. (1990). *The rise and fall of development*. Worcester, MA: Clark University Press.
- Kitzinger, C. (1987). *The social construction of lesbianism*. London: Sage.
- Lutz, C. (1988). *Unnatural emotions*. Chicago: University of Chicago Press.
- McNamee, S. (1989). Creating new narratives in family therapy: An application of social constructionism. *Journal of Applied Communication Research*, 17, 92-112.
- Mead, G. H. (1934). *Mind, self, and society from the standpoint of a social behaviorist*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Middleton, D., & Edwards, D. (Eds.). (1990). *Collective remembering*. London: Sage.
- Milgram, S. (1974). *Obedience to authority*. New York: Harper & Row.
- Misra, G. (1994). Psychology of control: Cross-cultural considerations. *Journal of Indian Psychology*, 12,

- 8-45.
- Penn, P., & Frankfurt, M. (1994). Creating a participant text: Writing, multiple voices, narrative multiplicity. *Family Process*, 33, 217-231.
- Petrillo, G. (1995). Pragmatics of communication and psychosocial theories from a constructionist interactionist view. In I. Lubek, R. van Hezewijk, G. Pheterson, & C. Tolman (Eds.), *Trends and issues in theoretical psychology*. New York: Springer.
- Potter, J., & Reicher, S. (1987). Discourses of community and conflict: The organization of social categories in accounts of a riot. *British Journal of Social Psychology*, 26, 25-40.
- Potter, J., & Wetherell, M. (1987). *Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behavior*. London: Sage.
- Ring, K. (1967). Some sober questions about frivolous values. *Journal of Experimental Social Psychology*, 3, 113-123.
- Rogers, R. S., Stenner, P., Gleessson, K., & Rogers, W. S. (1995). *Social psychology: A critical agenda*. London: Polity Press.
- Rorty, R. (1991). *Objectivity, relativism, and truth*. New York: Cambridge University Press.
- Sampson, E. E. (1975). Psychology and the American ideal. *Journal of Personality and Social Psychology*, 35, 767-782.
- Sampson, E. E. (1978). Scientific paradigms and social values: Wanted—a scientific revolution. *Journal of Personality and Social Psychology*, 36, 1332-1343.
- Sampson, E. E. (1993). *Celebrating the Other: A dialogic account of human nature*. Boulder: Westview.
- Sarbin, T., & Mancuso, J. (1980). *Schizophrenia: Medical diagnosis or verdict?* Elmsford, NY: Pergamon.
- Schnitman, D., & Fuks, S. (1993). Paradigma y crisis: Entre el riesgo y la posibilidad. *Psykhe*, 2(1), 33-42.
- Shotter, J. (1993a). *Cultural politics of everyday life*. Toronto: University of Toronto Press.
- Shotter, J. (1993b). *Conversational realities*. London: Sage.
- Spence, D. (1982). *Narrative truth and historical truth*. New York: Norton.
- Stam, H. (1990). Rebuilding the ship at sea: The historical and theoretical problems of constructionist epistemologies in psychology. *Canadian Psychology*, 31, 239-253.
- Strickland, L. (1976). Priorities and paradigms. In L. Strickland, F. Aboud, & K. J. Gergen (Eds.), *Social psychology in transition*. New York: Plenum Press.
- Tavris, C. (1989). *Anger: The misunderstood emotion*. New York: Simon & Schuster.
- Taylor, C. (1990). *The ethics of authenticity*. Cambridge: Harvard University Press.
- Vygotsky, L. (1978). *Mind in society: The development of higher psychological processes*. Cambridge: Harvard University Press.
- Walkerdine, V. (1988). *The mastery of reason*. London: Routledge, Kegan, & Paul.
- White, H. (1978). *Tropics of discourse*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- White, M., & Epston, D. (1990). *Narrative means to therapeutic ends*. New York: Norton.
- Woofitt, D. (1992). *Telling tales of the unexpected: The organization of factual accounts*. London: Harvester/Wheatsheaf.